

УЧЕНЫЕ — ПРАКТИКАМ

М. В. Михайлова

Особенности обучения переводу в контексте взаимовлияния культур

Роль и место перевода в обучении иностранным языкам всегда трактовались неоднозначно.

Одна из тенденций заключается в том, что обучение иностранному должно реализоваться только с опорой на родной язык. Такая точка зрения, предполагающая постоянную мобилизацию родного языка, создавала своеобразное движение «вперед — назад» и закрепляла «резистентность» (термин фр. лингвиста Ладмираль) в овладении иностранным языком» [1].

Другая, совершенно полярная точка зрения на роль перевода, — его полное исключение из учебного процесса, с призывом думать на иностранном языке (таков структурно-функциональный метод советской школы, метод гувернанток). Сторонники данного подхода руководствовались тем принципом, что мысль опережает слово, стало быть, слово на родном языке необходимо исключить из процесса обучения иностранному языку, следовательно, на перевод была брошена тень дискредитации. В данном вопросе принято было базироваться на опыте билингвизма мультинациональных стран, таких, например, как Бельгия или Швейцария, или бывших республик СССР. Однако, по нашему мнению, это не равнозначные понятия: родной + иностранный язык — субординативный билингвизм, язык семьи + язык окружения — координативный билингвизм, последний близок к понятию два родных языка.

Нам представляется весьма корректным и прагматичным взгляд на роль перевода одного из представителей американской лингвистической школы, Э. Сэпира, который считал, что проблема перевода предполагает некий этнографический компонент (сегодня мы сказали бы — интеркультурный), при котором чисто лингвистический подход должен быть расширен до понятия языка-культуры. Утешает, однако, тот факт, что в новых образовательных стандартах вновь введена теория перевода. Современная рецепция перевода позволит, несомненно, использовать многочисленные теорети-

ческие исследования в данной области в учебном процессе как в средней школе, так и в вузе.

В современном мире с ростом международных контактов и обменов, соприкосновений и взаимодействий культур, обычаев, традиций и ценностей, с определением понятий «менталитет» и «ментальность» (в ментальности задействованы три компонента знаний, а именно знания, отношение, поведение, за порогом которого становится возможной адекватная / неадекватная реакция) [2] принимается во внимание и родной язык, сопровождающий человека все годы изучения иностранного языка. Родной язык невозможно вычеркнуть из сознания, и поэтому необходимо научиться его правильно и эффективно использовать [1]. Придя к данной дихотомической оппозиции иностранный / родной язык, мы должны представить еще несколько оппозиций, касающихся понятий, непосредственно связанных с переводом, а именно

перевод на иностранный / перевод на родной
письменный перевод / устный перевод
дословный перевод / литературный перевод.

Все они и еще некоторые другие имеют вид лингвистических антиномий и являются объектом изучения теории перевода.

Обратим более детальное внимание на первую пару понятий (перевод на иностранный / перевод на родной). Существовая в форме перевода с родного на иностранный (theme) и с иностранного на родной (version), эти две ипостаси одного явления требуют различного уровня языковой компетенции. Обычно считается, что перевод на иностранный — более сложная форма деятельности. Как правило, студент (ученик), который хорошо переводит на иностранный, имеет склонность к точным наукам, он хорошо умеет применять грамматические правила, это скорее всего человек не гуманитарного плана, ему хорошо удаются технические переводы. В интеркультурном плане решающее значение приобретает способность передавать национальные особенности на иностранном языке (можно найти массу подобных примеров, скажем, у А. Макина в его романе «Testament francais» (Гонкуровская премия 1995 г.), когда передаются не только русские реалии, но и сам строй предложения и даже в некоторой степени традиционно русская композиция романа). Часто переводчика подстерегают на этом пути ошибки. Например, об от-

крывшемся клубе «Бедные люди» газета «Les nouvelles francaises» пишет: «.. сюда стремятся попасть все молодые авторы (истинные артисты и не обязательно богачи)», где слово «artistes» должно иметь значение артистические личности, натуры.

Подобные ошибки не редкость в практике обучения переводу. На наш взгляд, использование двуязычных газет и журналов («Les nouvelles francaises» или «Label France») позволяет осуществлять своеобразный тренинг в поиске как «ложных друзей переводчика», так и явлений ментального, национально-культурного плана, требующих особого внимания при переводе.

Перевод на родной язык (*version*) требует совершенно иных лингвистических компетенций, поскольку он всегда сохраняет свой «литературный облик». По мнению О. Дюкро, известного французского грамматиста, «La version tient les promesses qui ne peuvent pas être tenues par le thème»¹. К переводчику на родной язык, кроме требований мощной лингвистической и литературоведческой подготовки, предъявляются требования знаний иноязычной культуры, которые предполагают не только усвоение культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности понимать менталитет другого народа, его способности самовыражаться, его национальный характер, стереотипы, систему ценностей и т.д. Приведем несколько примеров удачных, на наш взгляд, переводов, которые содержат определенные национальные «реминисценции»:

- Francais — Russe meme fusee.
- Франция — Россия и даже ракета одна на двоих (вспомним «огромное небо одно на двоих»).
- La presse Russe A LA UNE (типичная рубрика французских газет, не имеющая аналога в русской прессе, передается выражением «Российская пресса сегодня в почете» (таким образом передана суть французской рубрики).
- Chroniques.
- Голос (а не хроника).
- Sortie.
- Досуг (а не выходы).

Очевидно, что *theme / version* только на первый взгляд симметричны, на самом деле речь идет о совершенно различных операциях. В условиях нашего факультета мы занимаемся на практике и тем и другим видом переводов, перенося перевод на иностранный на старшие курсы, признавая таким образом его сложность по

сравнению с переводом на родной язык, что далеко не всегда оправдано.

Следующим важным моментом, на который нам бы хотелось обратить внимание, является вопрос об отношении к тем лексическим единицам, из которых, собственно, и складывается речь как в родном, так и в иностранном языке. Мы знаем, что лексическая единица, будучи единицей языка и являясь полисемичной, переводу не подлежит, поскольку необходимо принимать в расчет и лексический фон, и контекст, и стиль, и культурный аспект, и ассоциации, которые она порождает.

Так, слово *пятница* у нас вызывает следующие ассоциации: пятый день недели, страстная пятница, пятничный пост, пословица «семь пятниц на неделе» (Даль объясняет ее этимологию следующим образом: на Красной площади было семь обетных церквей, посвященных Параскеве Пятнице: обетный день пятница мог быть нерабочим, и если прибавить остальные дни недели, то можно было, переходя из церкви в церковь, не работать семь дней в неделю). У французов это шестой день недели (от *Venus*), дата смерти Христа, постный день для католиков, пятница тринадцатого — день, который приносит одним счастье, другим несчастье, пословица «*Qui rit vendredi, pleure dimanche*» (Кто смеется в пятницу — будет плакать в воскресенье). Таким образом, четко просматривается тесная связь лексического фона с национально-культурным компонентом (элементы совпадений и расхождений ассоциаций). Ассоциации, вызываемые данным словом у представителей разных национальностей, могут быть совершенно различными, требовать порой дополнительных разъяснений. Однако имеют место и процессы взаимопроникновения: так, пятница, 13-е, с распространением западной кинопродукции и литературы приобретает и у нас значение несчастливой дня и при переводе может вызывать подобные ассоциации без дополнительных объяснений. Интересно проанализировать и ассоциации, вызванные так называемыми «стертыми метафорами и сравнениями». Так, у французов «*triste comme une porte de prison*» (унылый как тюремная дверь) или «*beau comme le jour*» (красивый как день) скорее всего вызовут в русском переводе появление таких выражений: «быть как в воду опущенным», «красив как бог», следовательно, совершенно других ассоциаций, а «белые ночи» у французов вызывают ассоциацию с бессонными ночами, так как *une nuit blanche* — бессонная ночь.

Обратим внимание еще на один момент, который необходимо учитывать при переводе некоторых лексических единиц: это — семантическое

поле [3]. Наиболее распространенный пример с глаголом «идти» в русском языке, который входит в сочетание «время идет», «идти замуж», «дождь идет», «речь идет о...», «стой кто идет?». По-французски требуется употребление глаголов: *passer, se marier, pleuvoir, s'agir, Halte-la!* Напрашивается вывод о том, что перевод и заучивание словосочетаний — полезны в качестве упражнений, но лишь в окружении соответствующего семантического поля, которое, в свою очередь, дает пищу для различных национально-культурных интерференций. Таким образом, перевода и заучивания требуют не единицы языка, а единицы речи, которые окружены своеобразным, только им присущим лексическим фоном и семантическим полем и которые порождают соответствующие ассоциации национально-культурного плана.

Подводя итог сказанному, сделаем некоторые выводы:

1) Необходимо четко отграничить требования при переводе с родного на иностранный и с иностранного на родной (*theme / version*): подготовка к спонтанному выражению на иностранном языке; опыт техники перевода, особенно в плане поиска интралингвистических перифраз, стремление к «совершенному переводу» оригинального текста.

2) Исходя из целей перевода, необходимо научиться эффективно использовать знания не только иностранного или родного языка, но уметь принимать во внимание национально-культурный и ментальный аспект речевых единиц.

3) Помнить, что переводу и заучиванию (запоминанию) подлежат только единицы речи в их контекстуальном, национально-культурном аспекте, с учетом лексического фона и семантического поля.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Литературный перевод — красиво, но не точно (Ж. Мунэн).
- ² Перевод на родной язык оправдывает те обещания, которые не может сдержать перевод на иностранный [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Lamiral J.-R. Traduire: theoremes pour la traduction. P. 1989. с. 269.
2. Мильруд Р.П. Порог ментальности российских и английских студентов при соприкосновении культур // ИЯШ. 1997. № 4. С. 17-21
3. Миньяр-Белоручев Р. К. Место перевода в обучении иностранным языком // ИЯШ. 1997. № 4. С. 12-17
4. O. Ducrot Dictionnaire encyclopedique des sciences du language. P. 1972.

И. А. Курганский

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Вексель — очень популярный финансовый инструмент в сегодняшней российской экономической ситуации. Понимание многих актуальных экономических проблем в стране было бы неполным без рассмотрения правовых аспектов вексельного обращения. Поэтому настоящая статья может быть использована студентами и педагогами при изучении и преподавании курса экономической теории.

Основным нормативным документом, определяющим вексельное обращение в России, является Федеральный закон № 48-ФЗ от 11 марта 1997 г. «О переводном и простом векселе» (далее по тексту — ЗАКОН), установивший, что на территории РФ применяется Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» от 7 августа 1937 г. N 104/1341 (далее по тексту — ПОЛОЖЕНИЕ). До этого (с 1991 г.) вексельное обращение регулировалось Постановлением Президиума Верховного совета РСФСР № 1451-1 от 24.06. 1991 г. и приложением к нему — «Положением о переводном и простом векселе».

ПОЛОЖЕНИЕ является почти дословным (с незначительным редактированием) переводом Женевской Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселе от 7 июня 1930 г., к которой СССР присоединился 25 ноября 1936 г. На территории РФ как правопреемницы СССР действует вышеуказанная Конвенция, и, согласно ст. 7 ч.2 Гражданского кодекса РФ, она применяется непосредственно [4].

Ст. 143 первой части Гражданского кодекса РФ [3], в основном действующая с 01.01.1995 г., отнесла вексель к ордерным ценным бумагам, но не